

Дарья Валькер

Синий Четырнадцатый

Дарья Валькер

Синий Четырнадцатый

<https://litres.ru/72626470>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-89345-0

Аннотация

Угнать космическую тарелку — не самое мудрое решение, когда вы группка инопланетных подростков. Они хотели стать самыми молодыми путешественниками по галактикам, а стали заложниками земного притяжения. Теперь им предстоит познакомиться с местной флорой, немного враждебной фауной, нелепыми фильмами про пришельцев и... с человеком?

Все наблюдения зафиксированы. Этот дневник написал Синий Четырнадцатый.

Содержание

Часть Первая

4

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Синий Четырнадцатый

Часть Первая

Обычный день местной недели

Желтый Двадцать Четвертый указывал одним пальцем мне прямо в грудной отдел, а вторым хлопал себя по карману. Я знаю, что там. Или догадываюсь. Знаю, потому что мы с Желтым вполне себе друзья, а догадываюсь, потому что он не привык хранить секреты так долго.

Всю неделю Желтый трещал без остановки о том, что ему скучно сидеть в родительском «неразборчиво» и учить все-ленские буквы. Он преуспел в примитивном земном языке, хоть и проглатывал некоторые звуки, только начал углубляться в юпитерский, но это, думаю, совсем не помешало бы ему вырасти в опытного путешественника по галактикам. Когда-нибудь. Желтый грезил новыми видами за окном тарелки, хотел потрогать побольше жителей других планет за их головные усики. Он много читал и так же много выпитывал в свой развитый не по годам головной «неразборчиво». Теперь Желтый, не моргая своим желтым глазом, ждал нашей реакции. Вчетвером мы стояли на заброшенной остановке гоночных тарелок, недалеко от нашего тайного места встреч (не будем об этом). Он позвал всех нас как-то слишком резко, толком ничего не объяснив, но уверял, что стоит пото-

ропиться. Желтый, нелегко возбудимый, и в целом обычно спокойный, теперь, кажется, заметно нервничал и активно шевелил усиками.

Голубая Девятая сразу обо всем догадалась. Я, напомню, тоже догадывался, но молчал. Девятка же привыкла обо всем докладывать сразу. Любое местное чувство и ощущение она переживала внутри «неразборчиво», щурила глаз, пока смотрела куда-то сквозь других, явно углубляясь в собственные мысли, а потом нескончаемым потоком слов, таким же сильным и ярким, как звездопад, высказывала все, что думает. И то, о чем она думала теперь, ей явно не нравилось.

– Нет! – повысила громкость она, стоя верхние конечности в боки.

Девятке идея не понравилась совсем. Оно и понятно, правильный Желтый хоть и был паинькой и заучкой, Девятка же умножала все это на десять. Зато Красный Пятый только рад был поддержать Желтого в этой совершенно сумасшедшей, совершенно глупой и даже опасной идее.

Надо сказать, что Красный всегда на такое соглашался. Ему в целом не сиделось на месте, к тому же он был лучшим другом Двадцать Четвертого, они, кажется, вылупились почти одновременно. Вдвоем учили космические лучи, вдвоем осваивали вакуумные виды спорта и даже во время обедов друг от друга не отлипали. Желтый был почти как Красный, а Красный – почти как Желтый, просто на полголовы

выше, и пальцы его были чуть длиннее. Жил он в то время не слишком хорошо, и со стороны не совсем было ясно, как он оказался в нашей компании. В семье у Пятого даже не было собственной тарелки – летали на общественных, значит, созданных во благо общества.

У общественных тарелок был один немаловажный плюс для галактики – они выбрасывали метеоритов в разы меньше, чем тарелки личные или гоночные. Особенно гоночные. Однажды их уже пытались запретить, сетуя на опасность для странноклеточных вроде землян. Местные умники же доказывали, что попадание на Землю метеорита – штука очень маловероятная и даже почти невозможная, а потому волноваться не о чем, и можно продолжать гонки на тарелках. Активные защитники малых бестолковых планет все равно не прекращали умные дискуссии, и в конце концов число таких мероприятий пришлось сократить. Ну, потому что метеориты все-таки начали падать.

В моей семье личная тарелка особой популярностью не пользовалась, ведь затолкать себя в общественную хоть и было временами тяжело, но с лихвой окупалось скоростью передвижения из точки А в точку Б. Права на такие чудеса техники можно было получить со строго определенного возраста, а экзамены считались самыми сложными во всей галактике. По прошествии долгих и долгих «неразборчиво» обучения можно было заслужить карточку – гарантию, что ты не создашь аварийной ситуации в межзвездном простран-

стве. Карточка позволяла заводить тарелку, менять ее цвет, а также в режиме автопилота путешествовать по разным уголкам всего космического пространства. Но пока что у нас ни тарелки, ни прав на нее не было.

Пока я рассуждал, Девятка продолжала махать руками и кричать. И все мы подумали об одном и том же. О том, что сейчас Желтый достанет из кармана заветную карточку. И о том, чтобы запихать Девятке в рот парочку железяк, чтобы наконец замолчала.

О своем гениальном плане Двадцать Четвертый рассказал мне еще какое-то время назад. План его был прост, надежен, не лишен смысла и опасностей. Красный уже тогда был в курсе и подливал особую вязкую жижу в процесс окисления, всячески уговаривая меня и Девятку присоединиться. Тогда это казалось шуткой или просто мечтой, питаемой бунтом специфического периода взросления, о котором всем известно. Сейчас же мы стояли вокруг Желтого и рассматривали знаки на куске «неразборчиво», означающие, что тарелка совсем скоро будет в нашем полном распоряжении.

Думаю, тогда я смотрел только на Девятую. Чувствовалось, что ей очень хочется поставить точку в своей истории правильности, а еще, что она ужасно боится последствий. Все мы боялись, но все мы отчаянно желали узнать, что можем увидеть, где сможем остановиться, и каких набрать безделушек в карманы. Толку, правда, от них никакого. Если кому показать и рассказать, точно заработаем проблем еще

больше, чем те, о которых мы пока даже и не предполагали. В ту минуту я решил, что поступлю так, как поступит Де-вятка. Если она затихнет и просто уйдет домой, я поступлю так же, не думая ни одного существующего отрезка времени. Но к всеобщему удивлению, она выхватила карточку из рук Желтого и положила к себе в карман. Потом вытащила, сомневаясь в правильности действия.

Кажется, она сказала:

– Хорошо, но это потом будет у меня.

Красный возмутился, ведь он такие даже в руках ни разу не держал, а уж присвоить себе... Даже мечтать не смел.

– Растеряете еще по дороге, как мы потом вернемся! – добавила она, а я был с ней согласен.

Усики на ее голове дрожали от предвкушения, но мы втроем сделали вид, что не заметили – пускай играет в командиршу. Тогда я подумал, что ей очень идет. Красный же сказал, что готов ей треснуть за такое.

Для управления личной тарелкой с целью доставки себя до работы достаточно одного, но для большого приключения мало и нас четверых. Всего не запомнить, а потому чем больше хранителей данных на борту, тем лучше. Команда к тому же образовалась, по моему мнению, блестящая. И мозговитый чудак, и сверхскоростной дикарь, и щепотка критического мышления.

И ... я?

Наверное, на сегодняшний день моя роль в импровизи-

рованном экипаже еще не совсем определилась. Не было во мне ничего такого, чем я мог бы отличаться, и чем бы гордился. А может, единственный глаз просто замылился. Разные глаза видят разные вещи, а мой сейчас видел только торопливо делающую заметки в своем блокноте Девятку. Ее манера планировать все далеко наперед была сейчас очень кстати. План особенно нужен, когда никто другой не хочет его придумывать, и роль Девятки в нашей непростой миссии – учесть абсолютно все, предугадать любое отклонение от курса, просчитать бесконечное множество вариантов развития нашего путешествия. Я знаю, что она отлично считала до бесконечности.

Тогда мы, споря, решили, что лучше всего повернуть план по захвату родительской тарелки Желтого в «неразборчиво» вечером. Время и дата были выбраны неслучайно. Родитель Двадцать Четвертого будет работать три вращения нашей планеты, заранее оставив отпрыску все самое необходимое и проведя не меняющийся раз за разом инструктаж. Девятка соврет, наверное, впервые за время своего существования, что останется у друзей, что враньем по сути своей и не было. Воспитатель Красного отсутствия последнего даже не заметит. Все упиралось в мое неумение придумывать отмазки и нежелание всячески изворачиваться, придумывая, отчего меня не будет в это время дома. Желтый предложил легенду о совместной подготовке к предстоящим занятиям. Красный сказал, что выскользнуть через верхний

люк будет проще. Девятка согласилась с Желтым, а я согласился с Девяткой.

После череды маленьких обманов мы должны будем обратиться в нашем с ребятами месте, точное название которого я не могу зафиксировать в дневнике. Карточка на время за тишья вернется к родителю Желтого, но в день X он стащит ее так же ловко и незаметно, как сейчас. Надеюсь, он так и делал сегодня. Останется самое простое и самое сложное – всей толпой погрузиться в тарелку, разобраться с функциями ручного управления, что Желтому вполне по зубам, а затем резко взлететь. Половину светового года ему придется управлять тарелкой самостоятельно, и только когда расстояние будет приемлемым для включения автопилота, Девятка приложит карточку к нужному экрану. Ничего сложного.

Мы разошлись, думая каждый о своем. Точнее, кажется, думая. Потому что у меня вот в голове было почти что пусто. Ни единой мысли, способной воодушевить или напугать. Пустота. До сих пор не верится, что мы планируем что-то такое совершить. Нелепица. В этот день я решил было, что весь наш план – это лишь подъемная сила моей фантазии. В этот день я так и не смог подключиться правильно к сонной капсуле – так велико было мое волнение.

Уже наперекосяк

Все пошло не так с самого начала. Как и я сам невыспавшийся Желтый слишком нервно пытался спровадить роди-

теля за дверь с самого выхода Большой Звезды. Он мялся на пороге, а глаз его бегал в разные стороны. Желтый говорил, что выдал себя в первую же единицу времени, но тогда, в начале суток все казалось не таким страшным, как теперь. Карточка лежала там же, где и всегда, ее хозяин спешил на службу во блага народа. И во благо народа не только нашего, но и соседних планет, он выбрал сегодня услуги общественных тарелок.

Желтый просидел все время до вечера на кресле, не переставая пялиться на кусочек особого материала, лежащий на полке чужой комнаты. Нервы сдавали не только у него. Красный Пятый сказал, что только зря открыл утренние питательные пакеты – субстанция никак не лезла в пищевой канал. Его длинные пальцы тряслись, не спасало и то, что Красный старательно прятал те в карманах. От явного недосыпа он еле переставлял шатающиеся нижние конечности. Самая активная часть нашего экипажа выглядела из конечностей прочь отрицательно. Сам я выглядел, наверное, так же скверно, как и они. Едва ли светилась гармонией Девятка. Было видно, что ей одной удалось воспользоваться по назначению сонной капсулой, а живот ее был полон необходимых для жизни веществ. И все же я заметил, что усики на ее голубой голове двигались как-то иначе. Командирша тоже чего-то боялась.

В момент нашей встречи все мои мечты о прекрасной в своих умениях команде вдруг схлопнулись. Мне кажется,

что каждый из нас думал о том, как бы быстрее вернуться домой и забыть о таком коряво разработанном плане, о попытке в бегство с родной планеты в угоду желаниям путешествовать и посмотреть новые миры, известные раньше только по картинкам.

– А вам не кажется, что у нас должен быть план «Б»? – сказала тогда Девятка.

– Зачем? – Красный пытался унять свои трясущиеся усики.

– Вдруг что-то пойдет не так.

Мы все промолчали.

Тарелка стояла на своем парковочном месте. Она была огромна. Такой впору стать однажды общественной тарелкой или тарелкой походной. Четверка пассажиров была для такой громадины просто ничтожной горстью звездной пыли. Идеально чистая, она отражала каждый лучик Большой звезды. Я чувствовал, как быстро бьется в груди клапан, как на воздушных емкостях оседают пары машинного масла. Очнулся, только когда Желтый провел карточкой по панели возле дверей. Они открывались так медленно и с таким шумом, что казалось, будто бы все вокруг теперь узнали о нашем плане, о нашей шалости.

Красный кричал от радости. Он едва сдерживал восторг и больше не пытался унять свои головные усики. Критически повысилась громкость.

– Теперь мы здесь главные! – говорил он, шагая внутрь,

– Теперь мы здесь капитаны! – эхом отдавалось от металлических стен.

– Убавь громкость, ты привлекаешь внимание! – крикнула, впрочем так же громко, Девятка.

Что-то в их маленьких спорах успокаивало, настраивало на нужный лад. Если Красный ругается с Девяткой, значит, все идет по плану, все идет, как обычно.

Как только мы оказались внутри, Желтый бросился к водительскому креслу. Его длинные пальцы дергались и нервно тыкали по панелям. Я не понимал до конца, знал ли он, что собирается делать, возможно, родитель уже давал ему практиковаться в тайне ото всех. Девятая уселась рядом, прожигая дыру в лобовом стекле. Манипуляции Желтого длились, кажется, бесконечное число времени. Красный тыкал на кнопки, про которые говорил ему Двадцать Четвертый, и отходил подальше от панелей, которыми решила заняться Девятка. В итоге, через некоторое время Красного вовсе попросили отойти подальше и занять соответствующее кресло. Водители были выбраны.

– Кажется, все, – повернулся на своем кресле Желтый, – Все готовы?

– Готовы! – крикнул Красный.

– Готовы! – закатив глаз, ответила Девятая.

Я промолчал. Отчего-то не мог сказать, что тоже готов.

Тарелка плавно поднялась в воздух. Все было совсем не так, как с общественными. Те дребезжали, извергая из се-

бя кучки метеоритов, покачивались, набирая высоту, окна в них обычно дребезжали, а двери закрывались неплотно. Тут же – совсем другое дело. Движения идеальной машины были мягкими и аккуратными, будто бы поднимаешься дома на свой этаж в металлическом отсеке для людей. Дверь закрылась почему-то бесшумно. А может, Двадцать Четвертый просто забыл ее закрыть.

Красный Пятый вопил от восторга, а Девятка, хоть и пыталась делать все больше замечаний, было видно, тоже вполне счастлива. Пока Желтый занимался важными делами на панели управления, мне не оставалось ничего кроме как смотреть в иллюминаторы. Мы пролетели мимо парочки Малых Звезд, мимо Спутника «неразборчиво», обогнули Черно-дырявое поселение. Повсюду фейерверками взрывались, сгорая, миллиарды звезд. Я хотел бы думать о том, что будет, если мы не вернемся вовремя, если сломаемся по дороге, если просто сильно испачкаем некогда блестящий металл, но... Но этот вид из окна, эти яркие вспышки небесных тел, близкие по красоте к драгоценным камням на летных костюмах элит любой высшей планеты, эти астероидные поляны, где искрится каждый камешек. Гигантские термоядерные «неразборчиво», с их непрерывным ядерным синтезом, излучающие свет сквозь миллиарды лет, по-особенному наполняли мой клапан трепетом и благоговением. Не будь Желтый так занят, наверняка бы решил взять пару образцов для личной коллекции. Не будь так занята Девятка,

непрерывно бы возразила.

Иногда, сквозь космическую пыль, проглядывают туманности, колыбели новых звезд. Космос будто рождается вновь перед нашим скромным экипажем. Красный наконец замолк, не в силах подобрать слова и отрегулировать уровень своего крика.

Мы преодолели еще два межгалактических барьера, и с каждым разом жилых планет становилось все меньше. Удивительно, насколько менее развитыми могут вообще быть галактики, насколько не хотят улучшаться жители обитаемых островков открытого космоса, насколько они ленивы для путешествий и изучения.

Почему на миллиардах планет с потенциально благоприятными условиями жизнь развивается лишь до примитивных форм? Почему их эволюция застревает на стадии биологической ограниченности? Почему их умы скованы рамками привычного, а технологии – жалкими попытками подражания? Возможно, они просто не готовы?

– Так грустно, – сказал я тогда.

Красный вопросительно посмотрел в мою сторону.

– Грустно оттого, что так много вокруг поразительно красивых, таких перспективных планет, но все они, – я пытался подобрать слова, – Все они топчутся на месте?

– Ты же знаешь, что «прогресс» является относительным понятием? – не поворачивая головы в мою сторону, отвечал Желтый, – Познание не ограничено технологиями или бес-

конечными вылетами со своей планеты. Может, для них важно что-то другое? Изучение своих повадок или единение с природой. У всех есть чему поучиться, Синий.

– Мудрость некоторых впечатляет, – согласилась Девятка, – А они даже за пределами своей галактики никогда не бывали.

– Может, тогда мы должны делиться своими знаниями? – их слова никак не давали мне покоя.

– Или учиться пользоваться их палками-копалками, – крикнул из-за плеча Красный.

– Ими нигде уже не пользуются.

Желтый повернулся на своем кресле.

– В Млечном пути они довольно популярны.

– Это где именно? – не может быть, чтобы где-то еще оставались такие примитивные орудия, такие жалкие, хоть и рабочие.

– Я покажу.

Двадцать Четвертый развернулся обратно к экранам и заклацал по кнопкам на панели управления. Тарелка резко набрала скорость, из-за чего мы все вжались в сиденья. Девятка ничего не сказала, но ее глаз блестел от любопытства.

– А можно помедленнее? – крикнул Красный.

– Скорость оптимальная.

Двадцать Четвертый ловко маневрировал тарелкой, стараясь не задеть по пути ни один астероид. «Почти», – произнес он одними ротовыми мышцами. Девятка, прислонившись к

иллюминатору замерла в восхищении. Мы вместе добрались до Млечного пути.

– Неужели там есть жизнь? – тихо произнесла она в пустоту.

– Не везде.

– Ого, это местный сверхгигант? – Красный пальцем указывал в сторону позорно сверкающей крошечной звезды.

– Это Солнце, – уточнил для нас всех Желтый, – Как наша Большая звезда, только...

– Только маленькая, – закончил за него я, а Красный рассмеялся.

Девятка вдруг подпрыгнула на месте, а усики ее зашевелились.

– Невероятно, смотрите! – она указала в сторону одной из планет местной системы, – Она же вся мокрая!

Мы знали, что это так называемая Земля. Знали, что обитающие там организмы довольно неразумны и даже слегка диковаты. Что войны там в порядке вещей, а количество природных катастроф приближается к рекордным числам. Что язык их... сложный. В учебных «неразборчиво» сказано, что у обитателей есть и свое понимание науки, искусства и прочего, они умны относительно своего времени и, кажется, на их дальнейшее развитие есть надежда. К сожалению, есть данные, что эти дикари не осведомлены о форме своей родной планеты – среди них бытует мнение, что Земля плоская. О чем тут можно говорить...

Нас сильно потрянуло на повороте. На панели управления загорелась одна красная лампочка. Затем еще одна. А единичей времени позже включилась сирена, и загорелись остальные.

– Двадцать Четвертый, что происходит? – обычно спокойная и собранная завопила Девятка, усики ее взъерошились.

– Я не знаю, не знаю! – кричал в ответ Желтый, нажимая подряд кнопку за кнопкой, – Что-то вышло из строя!

– Аварийный тормоз! Найди аварийный тормоз, – сорвавшись с места, визжал Красный.

Здесь я и вспомнил про несуществующий план «Б» и про то, какой дурацкой идеей было вообще угнать тарелку. Земля приближалась с угрожающей скоростью, а корабль начал падать, словно метеор.

Подсмотрено в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.